

ДЖЕФФ

ИВАН

ЧЕЛОВЕК

ТЕНЕЙ

Джефф Нун
Человек теней
Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»
Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/48693782>

Д. Нун. Человек теней: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-105392-5

Аннотация

<r>Под неоновым небом Дневного района, где никогда не гаснет свет, а ночь не имеет никаких прав, частный детектив Джон Найквист берется за дело о пропавшем подростке. Из ослепительного Дневного он перемещается в Ночной район, где царит тьма.</p><p>Вскоре Найквист начинает подозревать, что его задание странным образом связано с убийствами, ввергшими горожан в пучину ужаса, – с убийствами, совершаемыми невидимкой без лица. В конце концов остается лишь одно место для поиска – Сумерки, таинственное, оваянное легендами пограничье...</p>

Содержание

Пролог. Ртуть	5
Часть 1. Дневной район	10
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джефф Нун

Человек теней

Jeff Noon

A Man of Shadows

© Text Jeff Noon, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Пролог. Ртуть

В переулке Фаренгейт был рыночный день. По узким проходам между прилавками двигались сотни людей, толкая друг друга в стремлении приобрести различные товары – серебряные столовые приборы, зеркала, сверкающие драгоценности, блески, хрустальные кувшины, фонари любого размера и форм, декоративные осколки цветного стекла, горелки, бусы, безделушки и всевозможные сияющие металлические побрякушки. Содержимое прилавков поблескивало в свете мощных ламп, висевших под низким потолком. Температура воздуха постоянно повышалась, и в помещении царил духота. Покупатели неистово толкались. Плоть против плоти. Кто-то упал в обморок, и его унесли – ничего необычного. Пара уличных музыкантов исполняла новую уличную балладу «Пламя любви», словно пытаясь добавить блеска к и без того яркому дню. Торговцы вовсю старались перекричать друг друга, расхваливая свой ассортимент: зонтики, солнцезащитные очки, льняные куртки и широкополые шляпы, дезодоранты, духи. Вокруг прилавков часовщиков раздавался постоянный оглушающий шум тиканья, звона и жужжания. В недавнем докладе говорилось, что в городе сейчас работает более двадцати миллионов часов, причем их ежедневно изготавливают, ремонтируют и продают. Люди были одержимы временем. Члены Союза историков города

раздавали брошюры, в которых подробно излагалась хронология последних событий. Среди покупателей прошел молодой человек, одетый как Аполлон, Бог Солнца, и при виде его по толпе прокатился громкий крик. Все это происходило в Дневном районе. Другого подобного места не существовало, и граждане гордились тем, что являются частью этого жаркого, залитого светом рая.

Одной из них была Дженни Джеймс. Друзья называли ее Джей Джей. Ей было двадцать шесть лет, она работала репортером «Сигнального огня» – главной газеты города. Замужняя, но пока бездетная, она усердно занималась своей карьерой.

Дженни понятия не имела, что среди шума и суматохи, света и жары истекают последние несколько минут ее жизни.

Рядом с ней был ее муж, Леон. Они выбирали подарок на день рождения ее племянницы и остановились у прилавка с калейдоскопами. Взяв занятную вещицу в руки, Джей Джей подняла ее к глазам. Посмотрев для начала на демонстрационные лампы на самом прилавке, она перевела калейдоскоп на ярко освещенные неоновые вывески и прожекторы, висевшие на потолке. Когда она стала вращать прибор, сломанные бусинки и фрагменты цветного стекла внутри трубки начали переливаться в новые узоры. Поистине гипнотический эффект! Она почувствовала легкую слабость от внезапного опьяняющего взрыва желтого, красного и оранжевого цветов. Дженни навела устройство на новый объект –

маленького мальчика, который держал в руках фонарик на батарейках в форме звезды. Он явно гордился своей игрушкой. Фонарик излучал серебристый и голубой призматический свет, сквозь линзу калейдоскопа кажущийся вращающимся колесом из ножей.

Джей Джей ощутила нечто странное. В ее боку вспыхнула острая боль, но не успела она понять, что произошло, как то же случилось со спиной.

На нее напали?

Она не могла понять, что с ней происходит.

Калейдоскоп упал на землю. Она попыталась закричать, но звук застрял в горле. Даже вздохнуть было трудно. Живот обжигало болью, и, положив на него руку, она увидела, что пальцы измазаны кровью. Она смотрела на кровь, ярко блестящую в свете рыночных ламп. Джей Джей инстинктивно уклонилась, избегая нападения. Но ничего не получилось.

Она рухнула на землю.

Ничего не понимая, ее муж на несколько секунд застыл в недоумении. Затем, наклонившись к жене, увидел кровь и порезы на ее теле и едва мог поверить своим глазам. Ее всю трясло, а одежда покрылась темно-красными пятнами. Она кричала, прося о помощи, и протягивала к нему руки. Он сжал ее пальцы, чувствуя, что держится за самое близкое и дорогое, что у него есть. И вдруг Джей Джей дернулась в последний раз и больше не шевелилась.

Леон понял, его жена умерла. Ощутил это всем своим су-

ществом.

Звуки рынка исчезли, ничего больше не существовало. Весь его мир разлетелся вдребезги в этом крошечном месте, где неподвижно лежала любовь его жизни. Он нежно коснулся ее лица, словно надеясь, что это пробудит ее от сна. Но было все так же тихо. И вдруг на соседнем прилавке раздался звон каретных часов, за которым последовали звуки остальных механизмов, и этот шум разорвал пелену тишины, воцарившуюся на рынке.

Стоявшие рядом люди, ахнув, отошли на шаг или два. Тревожно вскрикнула пожилая женщина. Перепуганный маленький мальчик с фонариком обхватил за ноги отца.

По толпе шепотом покатилось слово:

Ртуть. Ртуть.

И затем громче, от человека к человеку, передаваясь с ужасом.

Ртуть. Ртуть. Ртуть...

Вскрытие выявило пять колотых ран на теле жертвы. Однако среди сотен опрошенных полиции не удалось найти никого, кто заметил бы хоть что-то необычное. Леон Джеймс смог сказать лишь, что сначала его жена Дженнифер была жива и здорова и радостно смеялась рядом с ним, а уже в следующую секунду лежала на земле, истекая кровью. Никто не видел, как на нее напали. Никто не видел того, кто это сделал. Оружия тоже не нашли: лишь нанесенные раны говорили о том, что оно действительно было. Здесь, в этом го-

роде, залитом ослепительным светом, где не было места теням и темноте, убийца нанес удар посреди оживленной толпы и мгновенно исчез. Это казалось невозможным, но такое уже случалось. Ртуть, Ртуть! Страшное слово разносилось по улицам, и новости быстро распространялись среди горожан. Еще одна жертва, еще одно убийство.

Городские часы продолжали идти как ни в чем не бывало.

Часть 1. Дневной район

Станция Утро

Найквист сошел с поезда. Его попутчики либо откровенно разглядывали его, либо старались избегать, торопясь по платформе, оставив его там одного – человека в измятом синем костюме и шляпе набекрень. Он вдохнул дым, струящийся от парового двигателя. На небе ярко светило солнце, и этот свет казался еще интенсивнее за счет стеклянных панелей крыши вокзала. Неподалеку группа рабочих мыла вагоны водой из шлангов, создавая эффект радуги, когда на воду падал свет лучей. Это марево словно искрилось и плясало. Подойдя к турникету, Найквист почувствовал, что ему жарко. Давненько уже он не выходил на дневной свет! Сказать точнее было трудно, как и подсчитать дни и ночи из-за его образа жизни, характера работы и режима этого города. Было легко запутаться.

Из ближайшего динамика прозвучал мягкий механический голос:

– По прибытии в Дневной район, пожалуйста, убедитесь, что приняты все необходимые меры предосторожности. Искренне надеемся, что вы...

Найквист слышал это уже много раз. Он шел вперед, остановившись только затем, чтобы посмотреть на большие часы на центральном куполе главного зала. Было тридцать пять минут девятого. Его наручные часы показывали восемь двадцать две – отставали на тринадцать минут. По телу пробежала легкая дрожь, прежде чем Найквист принялся настраивать часы. Но выполнив это простое действие, он почувствовал себя лучше. Все. Порядок.

Многие люди вокруг делали то же самое, переводя свои часы на время вокзала: это походило на ритуал – тысячи пальцев, вращающих тысячи заводных головок на тысячах циферблатов одновременно.

В мужском туалете Найквист привел себя в порядок. Глядя в зеркало, он прижал пальцами ярко-фиолетовый синяк на лице, оттянув кожу к разрезу. Хотел было заклеить его лейкопластырем, но передумал. Эта отметина была единственным, что он мог показать, – единственным вознаграждением, что он получил. Он вернулся в зал и купил в ларьке кофе «три в одном», большую часть которого выпил еще до того, как добрался до автостоянки за вокзалом. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он оставил свой автомобиль. Под стеклоочистителем торчала квитанция на просроченную стоянку. Он сорвал ее и бросил на заднее сиденье вместе с пиджаком и шляпой. Машина раскалилась будто печь, и даже прохладный воздух из включенного кондиционера не приносил никакого облегчения. Увы,

старая модель нуждалась в ремонте, а еще лучше в замене. Найквист почувствовал боль в ребрах, принявших на себя удары.

И становилось все хуже – что днем, что ночью.

Спертый воздух в салоне понемногу развеивался. Найквист взглянул на приборную панель: циферблат показывал шестнадцать минут второго. Он застонал, недоумевая, почему сбилось время. Снова посмотрев на наручные часы, он изменил время на приборной панели. Без семи минут девять. Так-то лучше. Все синхронно. Пора начинать день. У него была еще одна работа, связанная с поисками пропавшего подростка. Оставалось надеяться, что все в конце концов уладится. Члены ее семьи сказали ему, что девушка в последнее время ужасно боялась темноты. Ну да, их было много, этих больных, и Дневной район служил для них подходящим местом.

Найквист выехал с вокзальной стоянки.

Комната 347

Яркий и живой свет солнца резал глаза так, что на него было больно смотреть. Найквист медленно вел машину по грунтовой дороге. По радио одна за другой звучали новейшие дневные мелодии – все основные аккорды и яркие сладкие напевы и лирические мотивы о том, как в нашей любви однажды засияет свет Аполлона в один прекрасный день, в

один чудесный день без сновидений.

Впереди возник старый отель.

По правде говоря, по пути ему следовало бы заглянуть в свой офис, но сама мысль об этом одиноком месте казалась невыносимой: унылые сообщения, неоплаченные счета и дряхлый потолочный вентилятор с дыркой от пули в одной из лопастей. Подзаработать денег было важнее. Поэтому он провел последние пару часов, делая звонки, налаживая контакты и проверяя все известные укрытия в надежде, что это поможет отыскать девушку. Он отводил глаза от всех часов, которые встречались на улицах, пытаясь следовать своему личному графику. Но все усилия были напрасны, пока он не увидел компанию молодых людей, околачивающихся возле входа в магазин, где продавались лампы. Один из них, Рикардо, сказал, что где-то видел девушку с фотографии, но добавил, что не уверен: «Может, да, а может, и нет». Глаза мальчишки прятались за фиолетовыми линзами плавательных очков, а белые зубы четко выделялись на фоне смуглой кожи. Деньги переходили из рук в руки в обмен на информацию. И вот Найквист двинулся дальше, на север – туда, где находился Выжиг, Одиннадцатый участок. Это был трущобный квартал, расположенный на дальней окраине города, один из самых горячих и ярких в Дневном районе, и страх перед темнотой часто заставлял людей укрываться здесь.

Припарковав машину, Найквист вышел и посмотрел на обшарпанный отель. Прежняя вывеска была закрыта боль-

шим белым плакатом с новым названием этого места. На нем красной краской было написано одно слово: «РАЗВЛЕЧЕНИ-Я». Найквист поправил солнцезащитные очки и надел шляпу. По обе стороны отеля сплетались лабиринты проходов и дворов – торговые точки, автосалоны, мастерские, ломбарды. Все они обанкротились, помещения были давно заброшены и захвачены более бедными, более стойкими и менее боязливými жителями. Многие разбивали между низкими зданиями палатки. К яркому свету низкого неба поднимались клубы дыма, указывающие на местонахождение новых племен солнца. Улицу покрывала пыль, и целое ее облако уже собралось над его машиной. Сделав всего несколько шагов, Найквист ощутил боль в легких. В его глазах искрились и плыли цвета, а все тело покалывало, будто от крошечных электрических разрядов. Он вспотел – было жарко и неудобно. Рубашка прилипла к телу, словно второй слой кожи.

На ступеньках бывшего отеля сидела группа детей, занятых игрой, которая заключалась в том, что каждый пытался дольше всех абсолютно ничего не делать. Он бросил им монету. Дети посмотрели на то место, куда она упала. На выгоревшей земле маняще искрилась латунь. Детские рты широко распахнулись, глаза замерцали в тени козырьков кепок. Но ни один не сдвинулся с места.

Найквист протолкнулся через вращающуюся дверь. Будучи человеком крупного телосложения, он также имел определенную особенность черт лица, некую необработан-

ность, создававшую впечатление, что он не совсем закончен, и это немного пугало. Он через многое прошел, это точно, и вы могли бы подумать, что этот человек более чем способен совладать с собой. Пока не подойдете близко, совсем близко – лишь тогда, может быть, заметите в его глазах нечто иное: неопределенность или одиночество. Но чтобы разглядеть, для начала нужно приблизиться. А это непросто.

В старом отеле было лишь немногим прохладнее, чем на улице. Несколько лет назад он уже заходил сюда по другому делу. Тогда эта главная комната служила баром-салонем полуприличного заведения, где за полированными столами восседали всякие управленцы средних лет. Теперь всего этого не было: мебель выбросили, бар в центре превратился в стойку для еды и напитков, все пространство заняли сотни игровых автоматов. В помещение мерцали всевозможные цвета, и каждый яркий оттенок, казалось, обволакивал тело Найквиста, пока тот двигался по главному проходу. Галерея была заполнена игроками. В воздухе стоял запах алкоголя, и чувствовалась высокая влажность. Звуки, доносившиеся из автоматов, походили на те, что бывают при погружении в холодную воду множества горячих предметов. Из точки в точку со свистом пролетали серебряные шарики. Доносились обрывки песен. От всего этого плыло в глазах: жара, шум, музыка, автоматы и дети, дергающие рычаги, и яркий свет, пульсирующий между ними. На экранах с сумасшедшей скоростью сменялись изображения космических кораб-

лей, призраков, гоночных автомобилей и тигров.

На дальней стене висел большой механический календарь – еще одно напоминание о былой славе отеля. На экране был указан 1959 год. Это озадачило Найквиста – сам он считал, что на дворе еще 1958-й. Он взглянул на часы над календарем: те показывали ровно половину шестого. Его передернуло от раздражения. Внезапно он потерял контроль над собой. Соппротивление бесполезно: пальцы сами собой приблизились к наручным часам и принялись поворачивать головку, пока время не совпало со временем игорного зала.

Немного успокоившись, он двинулся дальше, по пути изучая клиентов. Игроки были либо местными, старшими детьми из семей, переехавших сюда, либо просто юношами и девушками среднего класса, желавшими весело провести пару часов в опасной зоне. Некоторые имели вид давних фанатиков дневного света: обесцвеченные волосы, шелушащаяся кожа, подернутые пеленой глаза. Двигались только их руки: трепыхаясь, как пойманные в ловушку птицы, они нажимали кнопки или лихорадочно тянули рычаги «одноруких бандитов». Найквист свернул в другой проход, настороженно глядя по сторонам. Квартал Выжиг был известен своим беззаботным отношением к незаконной деятельности, и он не сомневался, что это место получало свою долю чистогана. Тем не менее порядок поддерживали всего два охранника – хорошо сложенные молодчики, ненамного старше самих игроков. В свои тридцать с небольшим Найквист был едва ли

не самым старым в этом помещении.

Рикардо сказал ему, как называется это место, добавив, что ему следует искать молодого человека по имени Майлз – с жирными волосами, высокого и худого, со следами ожога на лице. За пинбольным автоматом в одиночестве стоял как раз такой парень. Найквист подошел к нему, попытался привлечь внимание, но игрок не отводил взгляда от автомата, его пальцы непрерывно нажимали на кнопки, гоня туда-сюда серебряные шарики. Автомат громко звенел и дребезжал.

Найквист взглянул в сторону охранников, а затем по очереди отодвинул руки Майлза от кнопок. Парень легко позволил ему это сделать – сыщик словно поменял позу манекена. Похоже, в его теле не осталось ни одной мышцы. Игра закончилась. Майлз несколько раз моргнул. Его пальцы нервно дрожали. Найквист сказал ему, зачем он здесь, и вложил несколько купюр во влажную ладонь. При виде денег глаза игрока блеснули – теперь он мог сыграть еще пару раз. Он склонился к Найквисту и прошептал ему на ухо простое трехзначное число.

– Уверен? – спросил Найквист, показывая фотографию девушки.

Майлз улыбнулся и, пожав плечами, вернулся к своему любимому автомату. Его лицо вновь засияло от азарта.

Этого было достаточно. Теперь он знал номер комнаты. Найквист направился к лифтам в задней части галереи. В этот момент его заметил один из охранников, так что он про-

шел мимо дверей лифта туда, где было наибольшее скопление игроков в пинбол. Склонившись над автоматом, он вытащил вилку из розетки и пошел дальше. Ребятишки начали материться на все заведение. Один из игроков раз за разом лупил кулаком по стеклянной поверхности автомата, а остальные подбадривали его. Они попытались продолжить игру, но завязалась драка. Найквист оглянулся и увидел, что к месту потасовки спешат охранники. Поднявшись по лестнице на третий этаж, он оказался в длинном пустынном коридоре. Он устал и запыхался. Стены были покрыты склизкой зеленой плесенью. Из электрощита, закрепленного на стене, торчали потрепанные зубчатые зажимы и провода – оттуда во все стороны летели искры. Далее по коридору из вентиляционного отверстия вниз по стене стекали потоки белой жидкости. Найквист достал льняной платок, чтобы вытереть лоб.

По спине пробежали мурашки. Ему не нравилась атмосфера этого заброшенного отеля. Проходя мимо открытых дверей, он видел, что большинство комнат пустуют. Казалось, будто он разглядывает разбитые театральные декорации, где когда-то разыгрывались отчаянные сцены бесцельной жизни. Ничего из того времени не осталось, кроме мебели и некоторых пустяковин, покрытых густым слоем пыли. Номера на почти развалившихся дверях с вырванными замками были практически незаметны. Комната 347 находилась в дальней части коридора – одна из немногих с закрытой,

все еще неповрежденной дверью. На коврике перед ней стоял поднос с недоеденной пищей. Изнутри доносились голоса – они что-то монотонно напевали. Остановившись, Найквист попробовал открыть дверь. Заперто. Он постучал кулаком по створке.

– Впустите меня.

Тишина. Он постучал снова, уже сильнее.

– Открывайте, ну же.

Послышалось шарканье ног и звук разбитого стекла. Найквист задумался. У него не было возможности узнать, сколько людей в комнате и насколько дружественны их намерения. Последнее время появилось много религиозных сект, особенно на окраинах города, и люди рассказывали, что дестей удерживают там против их воли. Сняв солнцезащитные очки и отступив на шаг, он ударил в дверь ногой. И еще раз. Дверь начала поддаваться, а после третьего удара с треском распахнулась, и он быстро вошел в комнату. Найквист как будто шагнул в огонь. Перед его взором вспыхнул ослепительный блеск золота и серебра, с красными брызгами. В глазах зарябило, и они произвольно закрылись, а в голове все еще пульсировали огненные формы. Снова услышав звук разбитого стекла, он заставил себя открыть глаза и увидел расплывчатую группу белых фигур, стоящих посреди этого света. Мимо него кто-то шустро проскочил – подросток, и среди пульсирующих световых узоров едва угадывалось, что это человек, а не какое-то иное существо. Найквист ничего

не смог сделать, чтобы его остановить. Вместо этого он посмотрел по сторонам, пытаясь разобраться в царящей в комнате суматохе.

Что ж, в глазах по-прежнему бликовало, но зрение уже приходило в норму.

К потолку плотно прилегали фиолетовые флуоресцентные трубки, и между каждой парой трубок светились лампочки. Их были сотни, возможно, тысячи, и все они сияли разными оттенками, так что свет мерцал и изгибался под причудливыми углами, создавая завораживающий эффект. Пол покрывали яркие прикроватные светильники с разбитыми стеклами. Многие из них попадали. Когда Найквист сделал шаг вперед, под ногами хрустнуло стекло, и лампочки стали вспыхивать при каждом его движения. В центре потолка вращался шар из зеркального стекла, который перемешивал освещенные фрагменты, создавая еще бóльшую путаницу. Цвета сливались и распадались. В случайных последовательностях вспыхивали и гасли лучики крошечных лампочек, на прикрепленных к стенам газовых горелках танцевало пламя.

Глаза Найквиста привыкли к безумной обстановке номера. Он выпрямился, блокируя дверной проем, и более тщательно осмотрел комнату. Единственное окно было давно заколочено, поэтому такая духота; в воздухе стоял запах мочи, немытого тела и плавленной проводки. Было шумно. В одном углу на полу лежал потрепанный матрас. На нем на коленях стояла девочка-подросток, а еще одна девушка и юно-

ша стояли рядом, наблюдая за Найквистом. Эти двое выглядели напуганными, но девушка на матрасе, казалось, пребывала в каком-то оцепенении или витала в облаках. Ее глаза были закрыты, спиной она прижалась к стене. Таких людей называли световыми наркоманами, они жаждали впитать все фотоны, которые только возможно найти, и получить передозировку светом. Найквист переводил взгляд с одного лица на другое. Рот юноши был окрашен в оранжевый цвет, губы растянуты в клоунской улыбке. Его глаза смотрели в никуда, он нервно вздрагивал. Найквист протянул руку, чтобы вытереть вещество вокруг рта, что бы это ни было. Какой-то новый наркотик, предположил он. Последний порошок острых ощущений.

– Я ищу Элеанор Бэйл.

Никто ему не ответил, но парочка синхронно перевела взгляд на третью девушку, отдыхающую на матрасе. Найквист кивнул.

– А теперь валите отсюда.

Они послушно последовали его приказу, оставив ошеломленную девушку на произвол судьбы. Найквист достал фотографию, которую ему дали. Это было все, чем он располагал для ее поисков, не считая той небольшой доли информации, которую предоставил ее отец.

Элеанор Бэйл. Восемнадцать лет. Из состоятельной семьи и, без сомнения, красивая, имеющая очень ухоженный вид, – то, что состоятельные люди требуют от своих сыновей и

дочерей. Светлые волосы, голубые глаза, изящные губы. Все это было на фотографии. Но сейчас, по правде говоря, от этой красоты мало что осталось. Девушка лежала на кровати, одетая в майку, шорты и сандалии. Она выглядела жуткой неряхой: с грязной кожей, ужасающе худая, с сальными и растрепанными волосами, ее руки были покрыты царапинами, а лицо бледное и почти бесцветное, как крыло мотылька.

– Элеанор?

Девушка отвернулась, прижавшись к стене.

– Вставайте, ну же. Давайте соберем ваши вещи. – Найквист поднял сумку с пола. – Это ваше?

– Оставьте меня в покое!

Она яростно повернулась, ее поза выражала ненависть и страх. На коже, изможденном лице и истощенных руках играли блики света. Она выглядела ужасно. Найквист подошел ближе.

– Элеанор, давайте поговорим.

Без предупреждения девушка схватила с матраса лампочку и сильно размахнулась. Найквист услышал, как она врезалась в стену позади него. Когда звук бьющегося стекла стих, он широко развел руки в стороны и шагнул вперед.

– Ваша семья о вас беспокоится. Они наняли меня, чтобы вернуть вас домой.

– Кто вы? Полицейский?

Найквист покачал головой.

– Частный детектив.

– Это он вас послал?

– Ваш отец? Да, он.

Девушка горько рассмеялась.

– Я не пойду домой.

Найквист надел солнцезащитные очки.

– Я знаю, почему вы здесь, – сказал он. – Я знаю, каково это. Вы боитесь темноты. И того, что может тьма. Все это мне известно.

– Я не боюсь темноты. Это ложь.

– Все мы чего-то да боимся.

Элеанор впервые посмотрела прямо на него.

– Это лучшее, что он мог сделать? – спросила она.

Найквист пожал плечами.

– Видимо, да.

– Что у вас с лицом?

– Меня избили.

– Да ну. Из... из-за меня?

Он усмехнулся.

– Нет. Другая работа. Это было неприятно.

Девушка отрицательно покачала головой.

– В этом не было ничего утонченного, поверьте мне. Потерянная партия импорта. Я должен был отследить ее, что и сделал достаточно успешно, но, похоже, все это было мошенничеством, хитроумной страховой сделкой. Я узнал слишком много, и это то, что я получил за свою работу. – Он коснулся синяка под глазом. – Плюс некоторые повреждения,

которые не следует показывать.

Казалось, она поняла его слова. По-видимому, в ее голове еще сохранились остатки разума. Но внезапно она развернулась, выругалась и плюнула в него.

Найквист вздохнул.

– Я знаю, почему вы здесь.

– Да ну, неужто?

– Конечно. Все из-за ярости. Вы пытаетесь сжечь боль.

Девушка рассмеялась.

– Что же, это не работает.

Найквист заметил, что задел ее за живое. Он сделал еще один шаг к ней.

– Вы понимаете, что вам могут оказать помощь? Правильную помощь. Врачи, профессионалы...

– Нет! – Элеанор схватила вторую лампочку и ударила ею об стену, поднеся осколок к самому лицу. – Держитесь от меня подальше.

Теперь Найквист окончательно успокоился. И улыбнулся.

– Эта последняя работа принесла мне проблемы. Никакого результата, никакой платы. Так что мне действительно нужны деньги, девушка. Времена тяжелые.

Элеанор покачала головой. Затем она повернула руку с осколком лампочки к груди, повторяя одни и те же фразы снова и снова:

– Я не пойду домой. Я не пойду домой. Он меня ненавидит. Мой отец ненавидит меня!

Она придвинула зубчатый осколок ближе, прижала его к своей майке сильнее, пока на ткани не появилось пятно крови. Непроницаемое выражение лица. Она хотела почувствовать боль и не ощущала ее.

– Не делайте этого, Элеанор.

Найквист пытался говорить ровным голосом. Девушка посмотрела на него. Кровь медленно стекала по ее руке, по телу пробежала дрожь. В один ужасный момент Найквист подумал, что он потерял ее, но ее глаза вдруг замерцали от другого света, пальцы медленно раскрылись, и осколок лампочки упал на матрас. Найквист встал на колени рядом с ней. Он хотел поднять ее на ноги, и девушка позволила дотронуться до себя; у нее не осталось сил для борьбы. Он не ожидал, что она пойдет на контакт, и это было странно. Девушка все время бормотала какие-то слова, которые он не мог слышать, она как будто молилась каким-то богам. И вдруг замолчала: слышались лишь ее всхлипывания и судорожные вздохи. Найквист оставался там, где был, наполовину согнувшись и держа ее за руку. Это было неудобно, но он ничего не мог поделать. И они, эти два одиноких человека, некоторое время оставались вместе в таком положении, пока медленно вращающиеся огни комнаты отбрасывали на них мириады бликов.

Солнечный удар

Найквист вывел Элеанор из комнаты. При нормальном освещении коридора она выглядела еще хуже: мертвенно-бледное лицо, измазанное кровью, длинные спутанные волосы спадали на лоб, закрывая глаза. Она крепко сжимала в руках свою единственную собственность – зеленую спортивную сумку из шотландки. Найквист снова задумался, как эта хорошо воспитанная девушка оказалась в таком состоянии, но он, конечно, не мог понять боль, которую она испытывала.

– Нам нужно идти, – сказал он. – Мы вам поможем.

Прямо возле двери их ждал человек – плотный мужчина средних лет, одетый в строгий льняной костюм кремового цвета. Он смотрел на Найквиста и девушку, одновременно вытирая лицо красным шелковым носовым платком.

– Что вы делаете?

– Я забираю ее домой, – ответил Найквист.

– Она должна мне.

– За что?

– За аренду комнаты.

– Я так не думаю.

– Это я сдаю тут жилье.

Он выглядел смущенным, явно нервничал. Прикрыв на секунду глаза, он снова широко их распахнул.

– Видите мою дверь? – спросил он. – Хотите заплатить вместо девушки?

– Ребенок в беде.

Мужчина улыбнулся.

– Поэтому они и приходят ко мне.

– Ей нужна помощь.

– Ну да, у них есть свои потребности.

Найквист увидел, что по коридору к ним приближается один из охранников.

– Какие-то проблемы? – спросил новоприбывший.

– Никаких проблем, – ответил хозяин. – Пока что. – Он посмотрел на Найквиста, потом на девушку. – Дайте мне поговорить с ней. Я знаю, как обращаться с молодежью.

Найквист почувствовал, что Элеанор выскользывает из его рук. Она прижалась к стене и, открыв рот, слегка сползла вниз, взгляд судорожно метался по сторонам. Руки сжались в кулаки, одна рука крепко вцепилась в ремешок сумки. Наконец девушка сфокусировала пристальный взгляд на хозяине, а с губ слетело одно дерзкое слово:

– Нет.

Оттолкнув Найквиста в сторону, хозяин попытался схватить Элеанор за руку. Легкое прикосновение заставило девушку вздрогнуть, она отскочила и закричала с такой силой, что Найквист инстинктивно потянулся, тоже пытаясь ее удержать. Его пальцы на миг сжались вокруг ее запястья, но она вырвалась, в панике прижавшись к стене, а затем пулей

полетела по коридору. Хозяин выглядел разъяренным. Выругавшись, он жестом приказал охраннику напасть на Найквиста. Но парень был слишком юн, а Найквист помнил свою неудачу прошлой ночи – он легко отразил удар предплечьем, отбросив руку охранника в сторону, а правой нанес тяжелый резкий удар в живот. Охранник как раз двигался навстречу удару, и он оказался для парня слишком сильным. Согнувшись пополам и задыхаясь, он оперся о стену. Хозяин начал извергать проклятия, но Найквист уже двинулся прочь в поисках Элеанор.

Коридор был пуст.

Он бросился бежать. Поворот привел во второй коридор, заканчивающийся металлической противопожарной дверью. Не останавливаясь, Найквист обеими руками навалился на створку, и дверь открылась. Он шагнул вперед, и резкий небесный свет ослепил его.

Он стоял на платформе пожарной лестницы.

Под ним раскинулся трущобный квартал Выжиг, еле различимый в туманной дымке. Здания практически исчезли, и их место захватили палатки и караваны, загромоздившие территорию города. За этим растянувшимся лагерем открывался вид на земли за пределами Дневного района: свалки, кустарники, голые пастбища, деревни, луга, поселки и другие города, где люди жили по единому времени, а день сменялся ночью, а ночь днем...

Найквист уцепился за перила. У него закружилась голова.

Земля поплыла перед глазами, и он почувствовал, что может упасть.

Сосредоточившись, он смотрел в одну точку, пока головокружение не прошло. Сквозь решетку внизу он увидел Элеанор, которая уже почти спустилась. Тоненькая фигурка перепрыгивала ступеньку за ступенькой с такой отчаянной энергией, что под ее ногами дрожала вся хрупкая лестница. Какого черта она убегала? Найквист ринулся по лестнице так быстро, как только мог, но его внушительный вес и ужасная влажность замедляли движение. Он с шумом ставил ногу на каждую ступеньку, а пот заливал ему глаза. Если он не поторопится, девушка легко скроется из виду.

Наконец Найквист спустился на землю. Задний двор отеля был завален мусором, но проволочный забор вокруг него выглядел неповрежденным, единственные ворота оказались закрыты на замок. Он двинулся вдоль забора, ища место, где проволока была разрезана и выгнута. Отыскав лаз, он протиснулся на другую сторону. Перед глазами открылся ряд одноэтажных зданий, ближайшие два разделял узкий проход. Найквист поспешил туда и вышел в большой двор, из которого открывалось еще три выхода. Здесь, под низко висящим куполом из фонарей собралась компания жителей Выжига. Отовсюду в глаза бил ослепляющий свет. Звучала музыка, походившая на вой какого-то животного. Найквист подошел к кольцу из бочек, вокруг которых собралось большинство людей. В воздухе стоял запах горячей смолы, и из каждой

металлической емкости вздымались языки пламени, трепещущие на ветру. Сквозь пламя люди выглядели как призраки на свету, а от музыки словно исходил такой же жар, как от огня.

Но Элеанор Бэйл здесь не было.

Найквист спросил у стоявшего ближе всех мужчины:

– Здесь только что никто не проходил? Девушка-подросток?

Мужчина посмотрел на него, как на пришельца с другой планеты. Найквист обратился ко всей толпе.

– Где она? Куда она пошла?

Никто ему не ответил. Найквист потряс головой, пытаясь прогнать лишние мысли. Он взглянул на три выхода. Звуки музыки сводили с ума, и он оглянулся, чтобы посмотреть, откуда она доносится.

По другую сторону пламени на деревянном ящике, пошатываясь, стоял старик. Найквист подошел к нему. Музыкант был одет в куртку явно не по размеру и шляпу, кривоватую сидевшую на голове. К подбородку он прижимал изогнутый корпус скрипки. Вдоль шеи быстро двигался смычок, а пальцами правой руки мужчина иногда пощипывал струны, выдергивая отдельные ноты. Сочетание этих движений создавало дикую, энергичную музыку. Перед ящиком стояла миска, в которой поблескивали две-три монеты, словно ожидая, что к ним присоединится еще несколько. Рядом в такт мелодии танцевала маленькая девочка. Музыка очаровала и

Найквиста. Мелодия постоянно крутилась у него в голове – неужели он где-то слышал ее? Если бы только скрипач прекратил импровизацию и не добавлял свои ноты в оригинал, сыщик бы ее точно узнал. И вдруг, прекратив играть, старый музыкант посмотрел вниз, и Найквист заглянул в его черные как смоль глаза. Он был слепым, его невидящий, темный взгляд уперся в детектива, и тот не мог не бросить пару монет в оловянную миску.

В этот момент к ним подошел маленький мальчик. У него в руках была зеленая спортивная сумка, которую он держал перед собой, гордо, словно трофеем – сумка Элеанор.

– Вот, это она обронила.

Найквист с благодарностью принял ее.

Он двинулся по улицам, возвращаясь к входу в отель – туда, где стояла его машина. Виски пульсировали от воздействия яркого света, глаза заливал пот. Он чувствовал слабость. По дороге проносились облака пыли. В голове звучал шепот, словно пыль говорила с ним: *все, что не движется, мы накроем тебя, мы тебя похороним*. Отплевываясь от пыли, попавшей ему в рот, Найквист поднял глаза на небо, которое висело всего в нескольких метрах над головой и состояло из тысяч тесно расположенных ламп. Свет повсюду был ровный и безмятежный. Он не отражался в определенном направлении и не отбрасывал тени. Автомобиль был раскален. Он забрался внутрь, положил сумку девушки на сиденье рядом и немного подождал, пока заработает вентилятор.

Найквист потерял шляпу, но не мог вспомнить, когда и где. По привычке он взглянул на часы, хотя это было бессмысленно, и вдруг заметил пятна крови на ладони. Они заставили его вспомнить об осколке лампочки и о том, как девушка-подросток колола себя им. Эти неприятные образы прочно застряли у него в голове.

И они не покидали его во время всего пути ко Второму участку.

Путеводитель: город света

Когда путешественник прибывает в Дневной район, над улицами он видит постоянную дымку, вызванную миллиардами источников света, которые город использует в своем непрерывном стремлении к блеску. Настоящее небо, вид которого даже самые старые жители района не могут вспомнить, скрыто за огромной запутанной сетью неоновых вывесок, флуоресцентных изображений, огненно-красных ламп, огней горелок, полированных стальных стоек и декоративной мозаики из стекла. Каскады света этого купола и его сияющие хаотические лучи разнообразных форм и оттенков мечутся между блестящими стенами административных и муниципальных зданий. Немного ниже, на любой доступной поверхности закреплены дополнительные источники освещения, добавляющие городу свою лепту блеска. На проводах, растянутых вдоль дорог, раскачиваются китайские фо-

нарики, машины и пешеходы купаются в свете движущихся за ними прожекторов. На улицах глаза слепят лампочки красного, белого, желтого и оранжевого цветов; блики света танцуют на каждом магазине, скамейке, доске объявлений и киоске. С дорожных знаков свисают хрустальные люстры. Некоторые из этих огней официально установлены советом Дневного района, но множество других вывешивают сами жители. Деревья вдоль аллей оплетены гирляндами из светящихся шариков, а на тротуарах и асфальте блеском падающих звезд искрятся дорожные катафоты¹. В воздухе витают крупные частицы золота и серебра, прилипающие туда, где приземляются – к проезжающим машинам, стенам и к самим людям. И везде, куда ни глянь – вокруг, сверху и снизу, – крошечные фрагменты зеркального стекла рассеивают свет. Постоянно раздается глухой гул электрических приборов. Вспыхивают и плавятся бесконечные линии проводов. Город трескается от жары. И всякий раз, когда идет дождь, медленно просачиваясь через верхний купол, из поврежденных устройств летят искры. А потом, словно цветные призраки, над улицами проплывают многочисленные радуги. Люди поклоняются таким явлениям, принимая их как доказательство того, что Бог света и тепла взирает на них благосклонно. Ибо тьма была изгнана из Дневного района и отправлена в небытие. Это величайшее достижение! Город пульсиру-

¹ Устройство, предназначенное для отражения луча света в сторону источника с минимальным рассеиванием.

ет всеобъемлющим сиянием. Люди говорят о жертвах, которые должно приносить общество и отдельные жители, дабы поддерживать то, что они называют Свечением. Обещанные жертвоприношения оплетают круглые фонарные столбы или тщательно расположены на электрических щитах и подстанциях. На улицах расппевают молитвы. Но, несмотря на все эти усилия, та или иная лампочка время от времени откручивается из-за одной из ламп, висящих выше. Она падает с неоновго неба и становится просто еще одним штрихом цвета в спектре, который замечен только тогда, когда на тротуаре разлетается фонтан стеклянных осколков. И взгляды людей устремляются вверх, и они с ужасом думают о внезапном наступлении ночи, которая снова падет на них и накроет город темнотой.

Хроностазис²

На обратном пути в центр Найквист остановился в Мерцающем городке – месте, где многие приезжие поначалу ищут жилье и работу. Он увидел нескольких недавно прибывших, которые пытались отбросить свои старые представления о времени и свете. Они выглядели озадаченными и обеспокоенными. Они были совсем не в теме и, похоже, очень мучи-

² Хроностазис – ощущение застывшего времени. Это случается, когда ваш мозг сталкивается с принципиально новым явлением или задачей и на секунду как бы «столбенеет».

лись, пытаясь разобраться в перекрестных течениях. Потребуются годы для того, чтобы их биологические часы полностью приспособились к новым ритмам. Найквист увидел, как один старик чуть не упал, лихорадочно пытаясь настроить точное время города на наручных часах. Он выглядел как человек, балансирующий на натянутом канате. Тогда как стоявшая возле него молодая пара уже чувствовала себя в этом городе как дома. Это было отчетливо видно, потому что они легко переходили от одной шкалы времени к другой, настраивая на своих часах соответствующее время. На их лицах расплылись широкие улыбки. О, как замечательно сбежать от строгих рамок общего времени!

Найквист, как и многие коренные жители, часто спрашивал новичков о мире за пределами города, отчаянно нуждаясь в знаниях. И ни в чем больше. Он смирился со своим местом в этом мире и теперь шел по главной улице, едва замечая различия в его жителях. Его сопровождали постоянный гул, треск и шипение электрических цепей и газовых горелок. В дверях магазина стояла хронолог и зазывала покупателей: «Теперь доступны новые шкалы. Не пропустите!» Над улицей сияющим светом переливались огромные рекламные щиты. Самым заметным из них было изображение знаменитой актрисы Аннабеллы Темпо, держащей в руках циферблат, на котором быстро вращались стрелки, управляемые скрытым механизмом. Аннабелла рекламировала «Счастлирое изумительно-блестящее время» – один из недавних ком-

мерческих графиков. Ее зубы ярко блестели в свете дуговых ламп.

Найквист вошел в бар, выбрав его исключительно потому, что тот выглядел более пустым, чем остальные. Он заказал сэндвич и пиво. Бармен старательно вытирал стойку полотенцем и поднял глаза на посетителя лишь по окончании работы.

– Который час на ваших часах? – спросил он.

Найквист машинально взглянул на запястье, но все что он увидел, – размытое пятно.

– Я... я не уверен.

– Не уверен? Что это за ответ?

Найквист сосредоточился на циферблате. Он почувствовал слабость, как будто время ускользало от него, но, наконец, с облегчением разглядел цифры.

– Сейчас шесть двадцать пять, – ответил он.

Но названное время ничего для него не значило. Ведь определенно он в какой-то момент подводил стрелки? Почему он не мог вспомнить?

– Утра? – недоверчиво спросил бармен.

– Думаю, да...

– Ну, тогда я не могу продать вам алкоголь.

Найквист устремил взгляд на экран, висящий над баром, на котором поверх изображения двух бокалов пенистого пива красовался лозунг: «Время выпить! Наш спонсор – пивная компания «Троица». Согласно часам под лозунгом, сей-

час было двенадцать сорок шесть. Бармен улыбнулся.

– Извини, приятель, для тебя слишком рано.

Найквист огляделся. Несколько человек расположилось за разными столами, а на стуле перед барной стойкой сидел тип, выглядевший как заядлый пьяница. Его губы сжались в жестокой усмешке. Он читал выпуск «Сигнального огня». Найквист повернулся к бармену.

– Просто дайте мне пива.

– Никакой выпивки до двенадцати. Хочешь, чтобы это место закрыли?

Сдерживая гнев, Найквист закатал рукав и изменил время часов на время бара. После этого бармен с грохотом опустил на стойку бокал пива, а привлеченный шумом старый пьяница рассмеялся, и изо рта у него брызнула пена. Его голос резанул по ушам:

– Еще одна жертва, видели?

Найквист покачал головой, не желая вступать в разговор, но мужчина размахивал перед ним газетой.

– Ртуть снова убил. В этот раз на рынке Фаренгейт. Прямо там, в толпе.

Найквист слышал новости по автомобильному радио: в последнем выпуске говорилось о серии убийств, когда на жителей нападали на улице или городской площади или даже в частном доме. Но никто не видел ни убийцу, ни то, как он совершает свои злые деяния. Все видят только результат – мертвую жертву.

– Нанес удар прямо посреди толпы, понимаешь, – повторил старик с пенистой усмешкой. – И потом исчез! Пуф! Просто испарился. Незамеченным. – Он сделал паузу, чтобы глотнуть своего пойла, а затем сложил руки и произнес молитву Спасителю:

– Господь Аполлон, защити нас от всякой тьмы!

Ничего не говоря, Найквист кивнул в знак согласия, но вдруг вмешался бармен, который произнес:

– Да, это правда. Я думаю, что Ртуть движется так быстро, что никто не может увидеть, как он появляется, убивает или исчезает.

Выпивоха скорчил гримасу, злобно оскалив почерневшие зубы – вместо одного, словно отражатель, блеснула алая стекляшка, имитирующая драгоценный камень.

– Нет, он невидимый, как призрак.

В ответ бармен загоготал, что заставило старика вновь и вновь повторять:

– Невидимый, невидимый! – Его будто заклинило. – Невидимка, невидимка, невидимка!

Найквист промолчал, взял пиво и сумку девушки и двинулся к столику. Он прошел мимо молодой женщины, которая как-то странно дергалась. Она, похоже, не могла задержать взгляд на конкретном предмете.

– Вы в порядке, мисс?

Она повернулась к нему лицом. В глазах промелькнуло понимание, но через секунду ее взгляд быстро переместил-

ся на плакат, висевший на стене. К ним подошел бармен и, вытирая стол, сказал:

– Не беспокойтесь о Марии. На ее часах нет цифр. – Он легонько постучал пальцем по голове. – Полночь души. Печально. Но так оно и есть.

Найквист кивнул. Хроностазис. Этот синдром становился все более распространенным явлением. Некоторые жители Дневного района настолько путались во всех этих временах, что уже не могли воспринимать происходящее. Время замедлялось до нуля, и люди оказывались в пространстве, где ничего не происходило.

Найквист снова посмотрел на часы. Циферблат все еще был немного размытым. У него что-то с глазами? Тем не менее он четко различал все другие объекты.

Он задумался: неужели это начало болезни – хроностазиса?

Вздвогнув от этой мысли, Найквист сел за столик и ждал, пока принесут сэндвич. Стол стоял возле окна, о которое снаружи бились полчища мух, разъяренных жарой и светом. Такое же безумие овладевало Найквистом, он испытывал неосознанное желание вырваться на свободу. Чтобы взять себя в руки, он открыл зеленую спортивную сумку и начал перебирать вещи Элеанор Бэйл. Сначала вытащил несколько предметов одежды, под которой нашел кожаный кошелек. Внутри были деньги, довольно много денег, учитывая то, что девушка являлась беглянкой. В кармашке на молнии

он обнаружил клочок бумаги с написанным на ней семизначным числом, – вероятно, чей-то номер телефона. Найквист отложил его в сторону и вернулся к сумке, где следом нашел открытку на имя Элеанор, отправленную по адресу резиденции семьи Бэйл в Ночном районе. На ней был изображен пляж на юге Франции, а на обратной стороне находился текст: «Это удивительное путешествие! Но я очень скучаю по тебе. Передай от меня привет Полуденному подземелью!» Открытку подписал кто-то по имени *Эбигейл*. Возможно, подруга, путешествующая за границей, пока Элеанор оставалась дома.

Найквист продолжил осмотр. Он вытащил белый конверт, внутри которого обнаружил единственную фотографию. Это было изображение мужчины в возрасте двадцати лет или около того. Найквист изучил лицо мужчины. Он выглядел так, словно не доедает, но впалые скулы лишь усиливали выражение его лица, прекрасно очерчивая темные пронзительные глаза. Длинные черные волосы свисали завитыми прядями. На обратной стороне фотографии было написано два слова: *Энджелкрофт Силуэт*. Найквист размышлял о том, что это может означать, когда бармен принес его заказ. Возможно, имена? Или одно имя? Имя человека на фотографии?

Откусив от сэндвича, Найквист вернулся к осмотру сумки Элеанор. Он нашел еще несколько личных вещей, но ничего из них не вызывало интереса, пока он не вытащил па-

ру маленьких стеклянных флаконов, каждый из которых был украшен крошечным изображением полумесяца и наполнен ярко-оранжевой жидкостью. Он вспомнил парня в комнате 347 и его измазанные губы. Найквист был знаком как минимум с шестью разными видами стимуляторов и большую часть из них принимал в молодости. Он положил флакончики на ладонь. Ему и раньше попадались такие предметы, но увы, он мало что знал о содержащихся в них наркотиках.

На дне сумки оставался один предмет, представляющий интерес, – нечто, обернутое желтой пылезащитной тканью.

Найквист осторожно развернул ее и обнаружил фигурку. Это было странно выглядящее существо из тонкой черной кожи. К туловищу прикреплялись длинные тонкие руки и ноги, а лицо было повернуто в профиль – с острым рыльцем и двумя рогами, выступающими из копны волос на куполообразной голове. По всему телу были проделаны ромбообразные отверстия, покрытые кусочками прозрачного пластика золотого, красного или голубого цвета. Фигурка смотрелась примитивной, но выполнена была мастерски. Более того, существо было похоже на кроху-демона.

Найквист положил все обратно в сумку. Вот они, несколько драгоценных вещей Элеанор Бэйл, ее загадочная коллекция. Куда они его приведут?

Крик с другого стола отвлек его. Послышался звон бьющегося стекла.

Это была Мария, женщина, болеющая хроностазисом.

Она поднялась на ноги. Вытянув руки перед собой и судорожно сжимая пальцы, она словно пыталась схватить какой-то неуловимый предмет. Рот беззвучно открывался и закрывался, пока, наконец, с ее губ не слетело:

– Который час? Который час?

Найквист вскочил на ноги, чтобы помочь ей, но бармен опередил его. Он схватил женщину за запястья и твердо, но любезно говорил с ней, стараясь успокоить. Но Мария все продолжала задавать свой вопрос:

– Который час? Который час? Который час?

Рассеивающий пыль

Бесконечные лучи света, пересекаясь в воздухе, каскадом сыпались из мерцающих окон финансового района и причудливо переплетались в паутине серебряных нитей, которые простирались над передним двором центра «Ариадна». Все мерцало и искрилось своим особенным оттенком света. Найквист вошел через главный вход. В приемной было множество настенных часов. Найквист никогда не был здесь раньше, предпочитая встречаться со своими клиентами на нейтральной территории – в кафе или барах, и теперь выглядел неуместным, потрепанным, усталым бедняком по сравнению с бойкими хорошо одетыми мужчинами и женщинами, которые проходили мимо него. Все они перемещались в общем ритме корпоративного временного графика. Он чувствовал

себя как танцор со сломанной ногой – нелепый, ничуть не соответствующий имиджу компании. Секретарша за столом смерила его настороженным взглядом, когда он заявил о цели прибытия.

– Боюсь, мистер Бэйл не сможет сейчас с вами встретиться. Он на совещании.

Найквист нахмурился.

– Когда я могу его увидеть?

– Вы хотите записаться на прием?

– Это срочно.

– По какому делу?

– По личному.

Найквист понимал, что пришелся ей не по нраву. У него было ощущение, что она вполне может нажать скрытую кнопку под столешницей.

– В три пятнадцать вас устроит? – спросила она с улыбкой.

Найквист внимательно посмотрел на наручные часы, его руки при этом задрожали. Часы показывали двадцать две или двадцать пять минут второго. Или ближе к половине? Что-то вроде этого.

– В три пятнадцать? – повторил он.

– Да.

Найквист уставился на боковую стену, где все циферблаты показывали разное время. Под каждым из них была табличка с указанием разных временных шкал: *Основное бизнес-время, Международное время связи, Время отдыха ру-*

ководства, *Время финансовых операций* и другие. Цифры в глазах расплывались, и он почувствовал головную боль. Второй бокал явно был ошибкой. Он уже не мог вспомнить, сколько часов прошло с тех пор, как он сошел с поезда на станции «Утро».

– Какое сейчас у вас точное время? – спросил он.

Секретарша указала на стену справа от ее стола. Найквист перевел туда взгляд и увидел часы с надписью «*Внутреннее время центра «Ариадна»*», согласно которым в здании было два сорок пять.

– Хотите подождать?

Найквист едва услышал голос секретарши. Его так и подмывало изменить время на своих часах, чтобы соответствовать временной шкале здания. Его руки сжимались и разжимались, пока он пытался совладать с внезапным порывом.

– С вами все в порядке, сэр? Вы плохо выглядите.

– Речь идет о его дочери! Скажите это мистеру Бэйлу. Речь идет о Элеанор.

– Простите, я не...

Чтобы удержаться на ногах, Найквист схватился за край стола. Он ощутил головокружение и уже собирался пробраться к выходу, когда из ближайшего коридора появилась импозантная, элегантно одетая женщина. Она сразу взяла ситуацию в свои руки, поприветствовав Найквиста, как будто он был ее старым другом:

– Вот вы где! Надеюсь, мы не доставили вам неудобств.

Мистер Бэйл сейчас вас примет.

Найквист никогда прежде не видел эту женщину.

Они вместе ехали на лифте. Она представилась как Пирс. Без миссис, без мисс, вообще без имени.

– Надеюсь, новости хорошие, – сказала она. – Мистер Бэйл очень обеспокоен всей этой ситуацией.

Найквист молчал.

– Что же, я могу понять вашу сдержанность. Это деликатное дело.

Найквист кивнул. За густым слоем пудры и яркой помадой лицо Пирс не выдавало никаких эмоций. У нее была уверенная осанка и фигура той, кто проводит больше часов в тренажерном зале, чем за рабочим столом, а пиджак и юбку словно специально скроили для подчеркивания таких форм. Ее светлые волосы были зачесаны и уложены в ровную прическу, напоминающую ему шлем воина. Для сравнения Найквист взглянул на свое отражение в зеркальной стене кабины лифта. Вид был, мягко говоря, так себе.

Несколько минут спустя он стоял в офисе сэра Патрика Бэйла и, ссутулившись, рассказывал о том, как позволил Элеанор сбежать.

– Как такое могло произойти? – спросил Бэйл. – Если бы я хотел, чтобы работа была выполнена плохо, я бы попросил полицию найти ее.

Найквист не чувствовал, что должен извиняться.

– По крайней мере...

– Что?

– По крайней мере, мы знаем, что Элеанор жива. По крайней мере, мы видели ее.

– Я плачу вам не за то, чтобы смотреть на нее, Найквист. Где она?

Патрик Бэйл был высоким, привлекательным, несколько искусственно сохранившимся мужчиной в возрасте 40 лет. Его волосы казались слишком темными, а выражение лица слегка потрясенным, что стало результатом растягивания естественных черт путем хирургического вмешательства. Его офис выглядел обыденно, однообразно, не выдавая никаких личных особенностей хозяина, в то время как самого мужчину, похоже, переполнял сдерживаемый гнев или извращенное желание. По выражению его лица трудно было что-то понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.